

И.Ю. Алексеева

УДК 17.01

Нужен ли историку этический кодекс?

Аннотация. Поднимаемый российскими историками вопрос о целесообразности создания профессионального этического кодекса рассматривается в статье с учетом результатов исследований общих проблем прикладной и профессиональной этики. Уделено внимание «Стандартам профессионального поведения» («Statement on Standards of Professional Conduct (updated 2017)»), принятым Американской исторической ассоциацией. Вопрос о статусе этики историка в культуре рассматривается в контексте теории культурных систем В. Н. Ивановского.

Ключевые слова: профессиональная этика, этика историка, этический кодекс, теория культурных систем.

Прозвучавшие в последнее время заявления российских ученых о целесообразности создания «кодекса историка» [5] являются достаточно серьезным поводом для того, чтобы использовать в обсуждении этого вопроса имеющийся отечественный опыт изучения проблем кодификации этических норм в других профессиях. Имеет смысл привлечь к этому вопросу и опыт кодификации стандартов профессионального поведения в зарубежных сообществах историков.

Развернувшаяся в условиях мировой информационной войны «война историй», включающая в качестве составной части «войну историй России», делает весьма актуальной проблему правил, регулирующих поведение профессионального историка – как в собственно исследовательской деятельности, так и в публичном пространстве. Несомненно, подобные правила могли бы стать предметом дискуссии в отечественном историческом сообществе. Однако нельзя согласиться с тем, что этические нормы в этой области являются лишь делом будущего, что их только предстоит выработать, а в настоящее время они якобы отсутствуют.

Выражение «профессиональная этика» применительно к той или иной сфере деятельности употребляется, по крайней мере, в следующих смыслах. В первом – это совокупность этических норм, регулирующих профессиональную деятельность в данной области, и образцов профессионального поведения. В такой совокупности высок удельный вес так называемых неписаных правил. Здесь присутствуют обычаи, которым люди могут следовать, не задумываясь (или почти не задумываясь) об их смысле. Лишь небольшую часть этой совокупности составляют явно сформулированные правила этики и профессионального поведения. Некоторые из этих правил совпадают

по содержанию с юридическими нормами, с административными установлениями. Например, если речь идет об этике инженера – с правилами техники безопасности, а применительно к историкам, работающим в архивах и музеях – с правилами хранения документов и экспонатов. Получая профессиональное образование, человек усваивает не только естественно-научные, гуманитарные или иные знания, но неизбежно также – ценностные ориентиры, образцы поведения, одобряемого профессиональным сообществом, и примеры поведения осуждаемого. Профессиональная этика в этом смысле (как вся совокупность этических норм профессионального поведения) существует с тех пор, с каких существует соответствующая профессия.

Профессиональная этика во втором смысле является частью профессиональной этики в первом смысле и представляет собой, прежде всего, совокупность «писанных» правил, – явно сформулированных, систематизированных, сведенных в этический кодекс, принимаемый некоторой организацией. Принятию подобного кодекса, его применению, внесению в него изменений и т.д. сопутствуют дискуссии по проблемам профессионального поведения. Наибольшая степень артикулированности и систематизированности норм профессионального поведения сегодня характерна для США. Вместе с тем в последние полвека тенденции кодификации в области профессиональных этик и этик сфер деятельности появились и усиливаются в самых разных странах, в том числе и в России. Это не может не сказываться на понимании профессиональной этики философами. Так, Р.Г.Апресян пишет: «...говоря о профессиональной этике, я имею в виду главным образом ценности и нормы профессиональной деятельности (систематизированные в некоем, того или другого типа, нормативном документе), а также рефлексии (разной степени специализированности) относительно нормативных оснований профессиональной деятельности, в частности, выраженную в консультативном сопровождении нормативной практики, в том числе и в ее институционализированных формах» [3, 77].

Профессиональная этика в третьем смысле – это область научных исследований и учебный предмет. Примером могут служить этика биомедицинских исследований, врачебная этика и деонтология, педагогическая этика. В США в середине XX века сложилось, а к началу XXI века получило распространение в высших учебных заведениях такое научное направление и учебная дисциплина, как инженерная этика.

Учитывая сказанное, можно утверждать, что этика историка как совокупность норм, ценностей и образцов профессиональной деятельности существует во всех странах, где существует историческая

наука. Наша страна в этом отношении – не исключение. Однако сегодня назрела необходимость в том, чтобы выйти на новый уровень в осмыслении ценностей, норм и образцов, чему способствовала бы не только профессиональная дискуссия историков, но и широкая общественная дискуссия.

Станет ли результатом такой дискуссии принятие этического кодекса историков? Если да, то каковы будут качества такого кодекса? Не возникнет ли очередная отписка, не оказывающая ощутимого влияния на исследовательскую и педагогическую деятельность, на распространение исторических знаний в обществе? Или, напротив, будут заданы слишком жесткие рамки идеологических ограничений? Последнее стало бы очередным парадоксом в обществе, где нет официальной идеологии.

Ранее мы писали о существующем среди ученых скептическом отношении к этическим кодексам вообще и о принципиальном отказе признавать за подобными кодексами статус собственно этических [2]. Некоторые аргументы в пользу подобных позиций заслуживают того, чтобы воспроизвести их здесь. Прежде всего, противники этических кодексов считают противоречащими самой природе этики идею организационных санкций, применяемых профессиональными ассоциациями к нарушителям закрепленных в кодексе норм. С этой точки зрения, акцентирующей свободу субъекта морального действия, кодексы профессионального поведения трактуются как имеющие квазиправовой характер. Этика же рассматривается как предполагающая открытую, рефлексивную, критическую интеллектуальную деятельность и уважение к моральной автономии личности. Максимум, на что могут претендовать в таком случае этические кодексы – это статус клубных правил.

Добавим к сказанному, что ситуация, когда в одной сфере профессиональной деятельности существует множество видимых и невидимых «клубов», каждый из которых имеет свои писанные (а чаще неписанные) правила, весьма характерна для гуманитарных наук. Противоречия, существующие между такого рода «клубами», нередко обусловлены скорее разными вкусовыми предпочтениями, чем уровнем профессионализма, а в случае с историческими, социологическими и политическими науками – еще и гражданскими позициями ученых, их видением желаемого будущего стран и народов. «Консолидированное мнение профессионального исторического сообщества» может быть достигнуто лишь по таким вопросам, которые и сегодня не порождают серьезных конфликтов, касающихся исторической памяти, и «битв за историю».

Обсуждая вопрос об этическом кодексе отечественных историков, имеет смысл поинтересоваться: существует ли нечто подобное у историков за рубежом и может ли зарубежный опыт помочь в решении проблем российского профессионального сообщества. В этом контексте заслуживает внимания документ под названием «Стандарты профессионального поведения» («Statement on Standards of Professional Conduct (updated 2017)»), принятый Американской исторической ассоциацией в 1987 году, переработанный в 2005-ом, с поправками 2017 года.

Автор этих строк, не будучи историком, но оценивая содержание данного кодекса с позиций одного из представителей российского общества, признающих особую роль исторической науки в формировании общественного сознания и самосознания, не может не воспринять положительно основное содержание «Стандартов профессионального поведения». «Задача историков, – утверждается здесь, – постоянно улучшать коллективное понимание прошлого посредством сложноустроенного критического диалога друг с другом, с широкой публикой, с историческими источниками (в нем участвуют чьи-то истории жизни, взятые из прошлого, и чьи-то слова); искать ответы на наиболее серьезные вопросы, с которыми мы сталкиваемся в наш век» [6]. В качестве основных ценностей историка утверждаются такие, как взаимное доверие и уважение, честность в работе с историческими источниками, признание заслуг других историков (что предполагает, в частности, недопустимость плагиата). Подчеркивается, что честность в работе не тождественна нейтральности или отсутствию собственной позиции. Необходимо понимание того, что каждая работа по истории представляет отдельный, ограниченный взгляд на прошлое. Это не означает, что любые интерпретации одинаково правомерны. Историческая наука стремится давать верные интерпретации, хотя прошедшие времена и миры прошлого доступны нашему изучению только как следы в памяти, существующей в настоящем. Историки должны понимать, что историческое знание «расположено» в конкретном месте и времени, что все интерпретации выражают какую-либо точку зрения и ни один смертный не может достичь всеведения. Сведения о прошлом фрагментарны, абсолютная историческая истина нам недоступна [7].

Помогут ли декларируемые профессиональные стандарты Американской исторической ассоциации российским историкам в создании собственного этического кодекса? Этот вопрос могут решить лишь сами историки. Во всяком случае установки, относящиеся к достоверности источников, взаимоуважению и недопустимости плагиата являются общими для ученых в любых областях знания, неза-

висимо от членства этих ученых в профессиональных ассоциациях и наличия или отсутствия в таких ассоциациях этических кодексов.

Однако сама постановка задачи кодификации этических норм, которые признавались бы официально профессиональным сообществом российских историков, связана, в значительной степени, с болезненными проблемами исторической памяти нашего общества, в решении которых формулировки стандартов профессионального поведения, декларируемые американской ассоциацией, вряд ли могут помочь. Дело в том, что в основе последних лежит философия множественности исторических истин, приветствующая наличие конфликтующих взглядов. Истина истории трактуется как истина историков («Multiple, conflicting perspectives are among the truths of history»; «What is true of history is also true of historians») [7].

В современных российских дискуссиях немаловажное место занимает проблема фальсификации истории. При этом фальсификация понимается в широком смысле слова, охватывающем не только подделку, уничтожение или сокрытие документов, но также тенденциозный отбор и толкование фактов, позволяющее изобразить отсутствующие в реальности связи между фактами. Однако тенденциозный отбор и истолкование, в отличие от уничтожения и подделки, обычно подается как реализация права на собственную точку зрения и, в принципе, не противоречит представлению о множественности исторических истин. С таким представлением согласуется и право применять (или не применять) современные моральные нормы, оценивая события, происходившие в иные эпохи и в обществах с иной моралью. Реализация или отказ от реализации такого права может быть обусловлен самыми разными факторами, включая политическую позицию, зависимость от организации или финансовую заинтересованность.

Рассматривая этику историка как один из видов прикладной этики, имеет смысл принимать во внимание результаты исследований природы прикладной этики как таковой. Ранее мы рассматривали феномен прикладной этики в контексте теории культурных систем В. Н. Ивановского в связи с вопросами, касающимися инженерной этики [1]. Однако данная теория применима и к выяснению культурного статуса этики историка. Теория культурных систем, представленная в книге В.Н.Ивановского «Методологическое введение в науку и философию», изданной в 1923 году [4], становится объектом интереса современных философов после десятилетий незаслуженного забвения.

В.Н.Ивановский различал девять культурных систем, подразделяя их на три группы. Первую группу составляют мотивационные

системы, вторую – эмоциональные, третью – познавательные. К системам первой группы, имеющим дело, прежде всего с «мотивами человеческих действий», автор относит следующие: 1) сфера личных (эгоистических) интересов субъекта; 2) сфера интересов альтруистических; 3) этическая система, предполагающая действие в соответствии с осознанными нормами. Вторую «тройку» культурных систем образуют те, в которых центральное место принадлежит чувствованиям, «эмоциональному» мышлению и творчеству. В эту «тройку» входят: 4) «жизненная лирика», 5) искусство, 6) религия. Следующие три культурные системы имеют своей основой знание, «истину в собственном смысле». Здесь мышление приобретает характер не эмоционально-волевой, а познавательный. Эти системы: 7) наука, 8) философия и 9) техника. Примечательно, что философия в понимании В. Н. Ивановского, будучи одной из наук, обладает особенностями, позволяющими выделить ее в особую культурную систему и сопоставить с областью наук «частных».

Каждая из перечисленных систем имеет свою историю, развитие каждой начинается с элементарных, грубых, порой близких к зоологическим, проявлений и ведет ко все более тонким, сложным, дифференцированным и богатым содержанием формам. В.Н.Ивановский подчеркивает, каждая культурная система «...коренится в особых сторонах человеческой природы, развивается по свойственным ей законам, имеет свои критерии положительного и отрицательного, – словом, представляет собою область, принципиально отличную от других сфер культуры, хотя и стоящую со всеми ими в теснейшем взаимодействии. На это их взаимодействие в значительной мере сводится развитие, усложнение и усовершенствование каждой из них» [4, 3-4].

Какое же место следует отнести прикладной этике в этом «созвездии» культурных систем? Включает ли в себя прикладная этика некую этическую систему, предполагающую действие в соответствии с осознанными нормами? На последний вопрос следует ответить положительно: да, включает, и притом разные прикладные этики, соответствующие определенным сферам деятельности, содержат в себе различные системы норм, осознание которых становится в соответствующих ситуациях мотивом поступков человека. Это дает основание рассматривать прикладную этику как мотивационную культурную систему. Мы также можем отнести прикладную этику к числу систем познавательных. Поскольку в данной области ведутся научные исследования, происходит философское осмысление проблем и ситуаций (да и самого статуса прикладной этики), ее следует отнести и к

науке (7-я культурная система по В.Н.Ивановскому), и к философии (8-я культурная система).

Следующее утверждение может, на первый взгляд, показаться неожиданным, но прикладная этика принадлежит и к 9-й культурной системе – к технике. Дело в том, что техника как культурная система трактуется В.Н.Ивановским весьма широко. Технические системы в его понимании могут иметь дело с природой неорганической, с живой природой, а также и с человеком. К сфере техники Ивановский относит и медицину как систему приемов заботы о здоровье человека, и педагогику как учение о способах содействия воспитанию людей, и право как систему норм, с помощью которых общество стремится заставить людей выполнять одни действия и воздерживаться от других, и политику как систему планомерного воздействия одних групп людей на другие группы людей или на сферы жизни. Технической системой, по В.Н.Ивановскому, является та, где на первый план выдвигаются соображения целесообразности, эффективности, практичности, пригодности. Подобными соображениями определяется и выбор теоретических положений, которые можно использовать для «выдвигаемых жизнью целей». Техника противопоставляется философии и науке на том основании, что ее главной целью является эффективность, а не истина как таковая.

Применительно к прикладной этике это означает, что создаваемые в ее рамках кодексы являются своего рода техническими системами, служащими для самоорганизации людей и управления людьми. В этом контексте квазюридический характер этических кодексов отнюдь не является показателем «неэтичности», но свидетельствует о сложности и многогранности самого феномена прикладной этики. Таким образом, прикладную этику можно охарактеризовать как мотивационно-познавательную культурную систему, имеющую практические, научные, философские и технические составляющие. К технической (технологической) части прикладной этики относятся не только системы правил поведения, но также педагогические приемы и образовательные технологии, используемые в преподавании прикладной этики как учебного предмета.

Отнесение этики историка к 9-й (технической) культурной системе в понимании В. Н. Ивановского открывает новые перспективы для осмысления этого феномена в условиях технологизации культуры, когда, с одной стороны, получение, представление и распространение исторических знаний становится невозможным без современных информационных технологий, а с другой – сами исторические знания используются в социогуманитарных технологиях, в том числе технологиях управления исторической памятью. Последние, как пра-

вило, выдвигаю на первый план не истину и справедливость, а эффективность.

Список литературы

1. Алексеева И. Ю. Прикладная этика как культурная система // Научно-техническое развитие и прикладная этика. М.: ИФ РАН, 2014. С. 35-47.

2. Алексеева И. Ю. Этический кодекс в условиях морального релятивизма // «Что такое хорошо и что такое плохо?» в инженерном деле Ведомости прикладной этики. Вып. 44 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2014. С. 82-93.

3. Апресян Р. Г. Разнообразие профессионально-этических режимов и задачи нормативно-этического проектирования // Университет – центр формирования и воспроизводства этики профессии Ведомости прикладной этики. Вып. 46 / Под ред. В.И.Бакштановского, В.В.Новоселова. Тюмень: НИИ ПЭ, 2015. С. 77-92.

4. Ивановский В.Н. Методологическое введение в науку и философию. Т. 1. Минск, 1923. 123 с.

5. Романов Е., Шаповалов. В России должен появиться кодекс историка // Взгляд. Деловая газета. 2017. 15 марта <https://www.vz.ru/news/2017/3/15/823848.html>. (Доступ 20.03. 2017).

6. Стандарты профессиональной деятельности. Регламенты официальной профессиональной этики. Американская историческая ассоциация – об основных ценностях и практиках профессии историка // Гефтер. Журнал. <http://geter.ru/archive/9373>. (Доступ 04.02. 2017).

7. Statement on Standards of Professional Conduct // American Historical Association. <https://www.historians.org/jobs-and-professional-development/statements-standards-and-guidelines-of-the-discipline/statement-on-standards-of-professional-conduct> (Доступ 05.03. 2017).